

УДК 070(571.53)"1857/1860"

В.В. Шевцов

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ИРКУТСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В 1857–60 гг. КАК ОРГАН ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Представлена попытка уточнения и пересмотра сложившихся в истории сибирской печати представлений о неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как печатном органе кружка ссыльных петрашевцев (под сомнение ставится и само существование такого кружка в Иркутске). Критическое обличительное направление появилось в газете далеко не сразу и соответствовало целям информационной поддержки административной и экономической политики генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева.

Ключевые слова: «Иркутские губернские ведомости», сибирская печать, общественное движение.

В работах по истории сибирской печати сложилось устойчивое мнение о первых годах выхода неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» как о созданном ссыльной интеллигенцией самостоятельном органе гласности, обличающем злоупотребления властей, произвол «деревенских мироедов», спекуляции купечества и даже пропагандирующем социалистические идеи, подготавливающим общественное мнение к выступлению против «царского произвола». Главная роль в «рупоре кружка петрашевцев» (в более мягком варианте – «органе иркутского демократического кружка») отводилась Н.А. Спеш-неву, М.В. Петрашевскому и Ф.Н. Львову. Местные авторы – М.В. Загоскин, С.С. Шашков, С.С. Щукин и другие – определялись как «краеведы», также принимавшие участие в наполнении неофициальной части [1. С. 36; 2. С. 137–169; 3. С. 271–273; 4. С. 8, 15–17; 5. С. 210]. Такая трактовка распространялась на весь период выхода «Ведомостей» в 1857–59 гг. вплоть до знаменитой иркутской дуэли, послужившей причиной ухудшения отношений ссыльной и местной интеллигенции с восточносибирским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым и ее «выхода» из «Ведомостей» и «основанием» в 1860 г. частной газеты «Амур».

Обличительное направление, избранное неофициальной частью «Иркутских губернских ведомостей» в период редакторства Н.А. Спеш-нева, связывается со статьей «Из воспоминаний старожилы. I. Выборы» (1858, № 20, 15 мая). Относительно ее автора, «коренного местного жителя», скрывшегося под криптонимом «-369-», до сих пор нет единого мнения. Им мог быть И.С. Сельский [6. С. 21], декабрист В.Ф. Раевский [7. С. 147] или М.В. Загоскин [5. С. 215]. В фельетоне сообщалось о том, что голова «...ской волости» Исайя (в крещении Николай) Самойлович Гланц, пользуясь кумовством и дружбой с земским начальством,

подверг строптивых выборщиков от крестьян задержанию и наказанию плетью, чтобы заполучить свою должность на очередной трехлетний срок. Однако дело о самоуправстве волостного головы Бадайской волости Мейера возникло не в результате публикации в «Иркутских губернских ведомостях», а как реакция власти на жалобы крестьян. Н.Н. Муравьев поручил вести расследование прибывшему в Иркутск Б.А. Милютину [8. С. 334]. Статья не направляла деятельность власти, а оказывала ей информационную поддержку, сообщала об обстоятельствах злоупотреблений не в сухих фразах следственного дела, а в жанре фельетона, чтобы вызвать соответствующий общественный резонанс. Ни виновник происшествия, ни точное место событий прямо не назывались, хотя и были понятны читателям. В фельетон не попали такие факты террора подвластного голове населения, как избияния недовольных, их исчезновение и намеренные убийства. Зарвавшийся голова рисовался как щедринский персонаж, который «покровительствовал просвещению, ибо приказал всем мужикам своей волости всегда иметь в запасе для него и господ чиновников виноградное вино <...> Даже в семейных делах образованный голова произвел переворот: почти все ребятишки в его правление родились как две капли воды похожими один на другого». Слышны были также и гоголевские обертоны: «Вдруг является в волость особенный чиновник, объявляет, что так и так, дошло де до сведения высшего начальства, что недостает казенных сумм, бывших в распоряжении волостного головы, и требует на ревизию книги и деньги». Обращает на себя внимание (о чем всегда стыдливо умалчивалось), что автор, кто бы он ни был, тщательно и последовательно педалировал национальное происхождение своего персонажа – «израильская порода», «поч-

тенный израильтянин», «жидовская харя», «жиденок», «Ицка», «богатый жид».

О статье отозвались «Санкт-Петербургские ведомости», советуя Иркутску и далее идти по пути публичности и гласности, на что редактор Н.А. Спешнев в № 38 от 18 сентября 1858 г. ответил, что редакция «уполномочена объявить: что столбцы ее газеты – всегда открыты для желающих воспользоваться такого рода полезною “гласностью”. В Иркутске не опасаются этой гласности, а напротив – вызывают ее». Очевидно, что такое предложение, означавшее изменение содержания газеты посредством привлечения критических заметок, присылаемых в редакцию, означало ее поддержку со стороны главного начальника края, который, как сообщали несколькими номерами ранее те же «Ведомости», вернулся из 4,5-месячной поездки по Приамурскому краю, в начале которой был подписан Айгунский договор (1858. № 34. 21 августа). Небывалый успех русской дипломатии в условиях недавно проигранной большой европейской войны делал фигуру его виновника более значимой и предоставлял ему больше прав и возможностей, в том числе и в отношении содержания подведомственной газеты.

В последних номерах 1858 г. было опубликовано несколько обличительных корреспонденций. В письме из Киренского округа сообщалось о некоем «русском тайше», державшем у себя любовницу, а затем изгнавшем ее (1858. № 45. 6 ноября). Статья «О суде крестьян между собой» (1858. № 46. 13 ноября) принадлежала М.В. Загоскину и подвергала критике существующий порядок судопроизводства среди сибирских крестьян. В следующем № 47 от 20 ноября 1858 г. была представлена «небылица в лицах» – фельетон «Голубятник», автор которого – «Шнеллер» – мог быть декабристом В.Ф. Раевским [7. С. 146] или И.С. Сельским [6. С. 21]. В ней рассказывалось о «земском ярыжке» старых времен, который собрал с деревни в свой карман 300 р. за голубей, клевавших хлеб с крыш казенных хлебных магазинов. В статье «Искусство чужими руками жар загребать» (1858, № 52, 25 декабря) в плагиате был изобличен автор «Путешествие по Восточной Сибири» (СПб., 1856. Ч. 1. Якутская область, Охотский край) – И.Д. Булычев, никогда не бывавший в описываемых им землях. В корреспонденции из Енисейска сообщалось о высоких розничных ценах на хлеб, возникших по причине скупки купцами зерна у крестьян по низким ценам. При этом назывались конкретные фамилии виновников в этих спекуляциях (1858, № 47, 20 ноября). Публикация вызвала бурю возмущения, демонстриро-

вавшую полярность мнений – «N. N.» считал статью «дельной и справедливой» (1859. № 1. 1 января), петрашевец-сибиряк Р.А. Черносвитов полагал, что автор основывался на «ложных слухах», два других корреспондента из Енисейска вторили ему, говоря о том, что хлебная торговля «соединена с риском и может при случае то обогащать, то разорять», а статья «настроена наобум» и очерняет енисейское купечество (1859. № 2. 8 января). Сам енисейский купец Данилов направил жалобу иркутскому губернатору К.К. Венцелю, требуя объявить ему звание и фамилию автора (скрывавшегося под цифрами «106»). Ссылаясь на цензурный устав, Венцель отвечал, что редактор газеты должен объявлять имя и место жительства сочинителя только по требованию правительства, а не частных лиц. Муравьев поддержал своего подчиненного, указав на то, что «ни происхождение из евреев, ни монопольную торговлю, ни корыстолюбие никому закон не вменяет в преступление или особенный позор» [9. Л. 1–1об, 3об–4].

В 1859 г., когда уже отгремели торжества по поводу Айгунского трактата, перед «Иркутскими губернскими ведомостями» встали новые задачи – освещение процессов экономического развития новоприсоединенного края, возможные пути совершенствования существующей системы хозяйствования и управления в Сибири, предание гласности силами местных корреспондентов фактов злоупотреблений волостных и земских чиновников. В сравнении с 1857–58 гг. газета приобретала все более серьезный тон (об иркутском театре в 1859 г. было сказано лишь дважды), ее публикации стали носить проблемный характер, а суждения некоторых авторов отличались категоричностью и резкостью.

По словам Бакунина, передовая «Иркутск, 14 января» (1859. № 3. 15 января), направленная против распространения винного откупа на Приамурье, была написана Спешневым под диктовку Муравьева [10, № 610] и отправлена в Петербург Корсакову для передачи управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову [11. С. 287]. В результате распространению винной империи Д.Е. Бернардаки на восток был положен предел. Сам управляющий Амурской компанией А.В. Белоголовый направил письмо в газету с разъяснениями по поводу ситуации со снабжением Благовещенска продовольствием (1859. № 49. 3 декабря). Публиковались ответы на «злые статейки» Д.И. Завалишина в «Морском сборнике» – подробно аргументированное опровержение купца И. Ланина слухов о поставках в Приамурье некачественной солонины (1859. № 3. 15 января),

письмо «коммерческого лица» об «удобстве жизни» на всем протяжении Амура и быстром его заселении (1859. № 41. 8 октября). В ответ на именование Завалишиным новых территорий «злокачественной язвой», автор («Один из бывших на Амуре»; этим подчеркивалось, что сам Завалишин никогда на Амуре не был) отвечал, что имеющиеся трудности носят объективный характер, а не происходят от «безнравственности начал, руководивших главными амурскими деятелями» (1859. № 34. 20 августа). Д.Е. Романов упрекал «Морской сборник» в ангажированности – журнал печатал «многообъемистые разглагольствования г. Завалишина», а отправленный им в редакцию ответ в собственную защиту и защиту амурского дела был проигнорирован (1859. № 45. 5 ноября).

Некоторые публикации были направлены на формирование интереса к земельным ресурсами и полезным ископаемым Приамурья со стороны возможных переселенцев и предпринимателей. Так, из Енисейского округа редакцию просили писать об Амуре «хорошенько, обстоятельнее» – о стоимости сельскохозяйственного инвентаря и семян, предоставляемых ссудах, государственных повинностях и правах на осваиваемые земельные участки (1859. № 22. 28 мая). Газета сообщала об «отличной почве и прекрасном климате» края (1859. № 41. 8 октября), о прибытии на Амур из Сан-Франциско первого частного парохода «Адмирал Казакевич» (1859. № 39. 24 сентября), начале поисковых работ по разведыванию запасов золота в амурском бассейне (1859. № 24. 11 июня).

Тема совершенствования системы управления сибирским населением, улучшений в его хозяйственной и бытовой жизни на страницах «Иркутских губернских ведомостей» в 1859 г. рассматривалась в контексте происходивших в стране событий, связанных с готовящейся отменой крепостного права, судебной и земской реформами. Окружной енисейский начальник А.А. Мордвинов в ответ на статью купца В.А. Кокорева в «С.-Петербургских ведомостях» «Миллиард в тумане» в своей статье «Миллиард в ясном свете» доказывал невозможность введения в России фермерских хозяйств по типу английских и освобождения крестьян путем их «мгновенного» выкупа государством (1859. № 12. 19 марта). Данный вопрос рассматривался с точки зрения интересов Сибири – возможности использования в сельскохозяйственном отношении кабинетских земель, вложения капиталов из европейской части страны в сибирскую золотопромышленность и амурскую торговлю.

В статье «Сельские сцены», автором которой был декабрист В.Ф. Раевский [12. С. 20], причи-

ной беззаконий, творимых чиновниками и помещиками, называлась необразованность крестьянского населения: «Дайте детям простолюдинов грамотность, а в училищах буквари ... где бы объяснялись первые догматы веры, правила нравственности и необходимые для крестьянского звания законы». В преддверии освобождения крестьян обращалось внимание на недопустимость разделения русского общества на «секущих» и «секомых», которых помещики имели право наказывать внесудебным порядком, по собственному произволу: «Чтобы допустить розги без суда, нужно, чтобы все секачи были люди добродушные и святые» (1859. № 18. 30 апреля).

Приписные крестьяне и мастеровые Нерчинских заводов, как «сибирские крепостные» Кабинета Е.И.В., стали предметом внимания в цикле статей «Заметки о Нерчинских заводах» (1859. № 19. 7 мая; № 20. 14 мая; № 23. 4 июня; № 27. 2 июля; № 28. 9 июля). В них автор (подписывавшийся как «-р» или «В.») доказывал неэффективность крепостнической эксплуатации заводских рабочих, приводил примеры их бесправного положения по отношению к горной администрации, писал о низкой рентабельности кабинетского сереброплавильного производства и высоких издержках на содержание управленческого аппарата. В последней статье цикла автор делал заключение о полном «падении» горного дела на Нерчинских заводах, а их начальство прямо обвинял в намеренном занижении объемов добытого металла: «... оно получает огромные доходы от утайки содержания серебра в руде, от чего правительство теряет, конечно, великие тысячи денег...» (1859, № 28, 9 июля). Это обвинение, которое могло послужить основанием для серьезных вопросов как к горной администрации (составлявшей в Сибири особую привилегированную корпорацию), так и к автору статьи, осталось без ответа. Только томский губернатор и начальник Алтайских заводов А.Д. Озерский, проводивший в 1852 и 1853 гг. ревизию Нерчинского округа и также упоминавшийся в статье как вмешавшийся в манипуляции с цифрами выплавленного серебра, вступились за своих подчиненных, указывая, что автор статьи «по меньшей мере был обязан, подкрепляя извет свой численными данными, убедиться в их достоверности» (1859. № 35. 27 августа).

По поводу фактов злоупотреблений местных волостных и земских чиновников в 1859 г. было опубликовано 30 корреспонденций, фельетонов и очерков. Иногда в номере выходило по два-три подобных материала. Характеристические типы и сцены, создаваемые разными авторами, объ-

единялись в общие циклы рассказов (в подражание «Губернским очеркам» М.Е. Салтыкова-Щедрина) – «Из рассказов волостного писаря» (1859. № 7. 12 февраля), «Случаи, встречи, знакомства» (1859. № 16. 16 апреля; № 22. 28 мая; № 24. 11 июня; № 25. 18 июня). Пороки, на которые обращала внимание газета были самые разнообразные – спекуляции на казенных поставках зерна, принуждение крестьян к продаже хлеба и фуража по заниженным ценам, завышение сметных расходов при снабжении ссыльных и строительстве общественных зданий, несправедливый суд, взяточничество, «темные» незаконные поборы, вымогательство подношений, подкуп должностных лиц, рукоприкладство и самодурство.

Обвиняемый выводился без указания полного имени – только начальные и конечные буквы фамилии или населенного пункта; изображался в качестве обобщенного образа – волостного старшины, писаря, исправника, заседателя, судьи и т. д.; нарекался прозвищем (например, «художник прежней школы», «молодец», «сибирский беркут»); помещался в условную местность («в некоторой волости не близкой, не далекой», «в некотором царстве, в некотором государстве, в Заболтайском крае»). Также русские чиновники различных рангов получали титулы родовой знати у бурят и маньчжуров: зайсаны и шуленги – служащие волостного правления, тайша – волостной голова, мандарин – губернатор. Исключение в этой номенклатуре составило наименование полицейских «альга-вазилами» (принятое в Испании, с намеком на инквизиторское прошлое этой должности).

Изменение в направлении газеты в 1859 г. было отмечено в Сибирском комитете, в котором к тому же у Муравьева были и личные недоброжелатели: «... иркутская газета, в особенности после статьи, объявляющей столбцы ее свободными для гласности, приняла весьма резкий характер, допуская в печати статьи, не только задевающие разные личности, но даже и распоряжения, порядки, установленные правительством и начальством» [1. С. 75]. При получении первого номера «Иркутских губернских ведомостей» 1859 г. член Сибирского комитета Н.В. Гулькевич писал Корсакову: «Из прилагаемого № 1 «Иркутских губернских ведомостей» изволите видеть, какими статьями ознаменован новый 1859 г. При личном свидании я сообщу вам некоторые мысли относительно иркутской гласности вообще» [1. С. 75]. В защиту избранного направления Муравьев писал управляющему делами Сибирского комитета В.А. Буткову, что газета «уже принесла видимую пользу» Восточной Сибири, но соглашался в не-

обходимости ограничить перепечатки статей из нее в других изданиях, «ибо что может быть полезно одной местности, не полезно в другой, а Россия так велика» (намек на статью против винного откупа, перепечатанную «Русским Вестником»). Защищая Спешнева, он выводил его из круга авторов-сочинителей: «...статьи газеты присылаются со всех концов Восточной Сибири, а отнюдь не составляются в редакции». Редактор же, как раз «разбирает» корреспонденцию и «очищает» ее от «таких предметов, которые в печати не могут быть дозволены». Особо подчеркивалось, что «Петрашевский никакого влияния на издание газеты не имеет» [11. С. 514].

В марте 1859 г. у неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» сменился редактор – с № 11 от 12 марта 1859 г. им стал М.В. Загоскин. Н.А. Спешнев, в качестве главы генерал-губернаторской канцелярии, стал участником дипломатической миссии Муравьева в Китай и Японию. Это назначение освобождало Спешнева от редакторской деятельности, становившейся небезопасной, если вспомнить о его «испытательном сроке», истекавшем в 1860 г. Новая более ответственная должность, а также получение первого классного чина приближало его к окончательному освобождению. По окончании путешествия он вместе со своим покровителем выехал в Петербург и был восстановлен в правах потомственного дворянина, но без прав на прежнее имущество. Муравьев обратил на него внимание и принял у себя дома, благодаря знакомству со Спешневым, когда тот напечатал первые главы большой статьи «Заметки о быте поселян Иркутского уезда» [13. С. 177–178]. В процессе рассмотрения уже находилась просьба М.В. Загоскина о предоставлении ему права издавать «журнал политический, ученый и литературный, подобный, например, журналу “Сын Отечества”» (1859. № 6. 5 февраля), поэтому редакторская работа в «Ведомостях», выбор тематики публикаций, налаживание связей с местными авторами, знакомство с типографским делом позволяли накапливать опыт, необходимый для выпуска частного издания.

16 апреля 1859 г. на окраине Иркутска состоялась дуэль чиновников Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова, закончившаяся смертельным ранением последнего. «Неклюдовское дело» рассматривалось историками общественной мысли (и рассматривается до сих пор) как некая «высшая точка» в борьбе «иркутского кружка петрашевцев» с местной администрацией [4. С. 8, 14–15; 3. С. 272]. По поводу случившегося в № 17 «Иркутских губернских ведомостей» от 23 апреля 1859 г.

была помещена статья Ф.Н. Львова, в которой говорилось о недопустимости дуэли как «варварского обычая» в современном цивилизованном обществе. Автор также намекал, что в случае если поединок был проведен без ясных доказательств его честности, то он может быть отнесен «к разряду самых гнусных убийств». Рассуждения по поводу дуэли носили общий характер, и более всего Львов пытался примирить общественное мнение, чем его распалить. Если в официальной иркутской газете и можно обнаружить некое «выступление», «протест» против муравьевского окружения, то это не статья Львова, а корреспонденция некоего Бособибога (1859. № 29. 16 июля) и статья Ф.А. Хи-уса «По поводу отчета иркутской библиотеки» (1859. № 32. 6 августа). «Дуэльная тема» и критика дворянско-чиновной элиты присутствовали здесь косвенно, только намеками: «... болезненные раны в общественном нашем организме со временем исчезнут, вместе с насилием, грубым произволом и прикрытием низких дел мантией нелепых предрассудков»; «... гласность противна и хранителям кастовых предрассудков, опирающимся на кулачное право, подвизающимся на не совсем честных подвигах, ради превратного понятия о чести» (1859. № 29. 16 июля). Основным же содержанием этих публикаций было заявление «среднего сословия» Иркутска о своем существовании, своих жизненных интересах и роли в формировании и направлении общественного мнения. Образование (включая самообразование), общественный интерес и демократические взгляды были теми основаниями, которые позволяли отделять себя и от обычных городских обывателей (нуждающихся в защите своих имущественных и гражданских прав), и от «родовой и денежной аристократии», действующей только в личных интересах и чинящей произвол. Средством борьбы с ней должна была стать гласность как «единственное лекарство язв и зол, мешающих нашему развитию». Сосредоточением умственной жизни, местом выработки программы будущего развития Сибири, по мнению авторов названных публикаций, были не губернское правление и благородное собрание, а библиотека М.П. Шестунова, которая рисовалась как своего рода Мекка, где с помощью знакомства с современной литературой и публицистикой возможно было «стряхнуть с себя старые предрассудки, обновиться, очиститься, зажечь новую жизнь во имя правды и любви» (1859. № 29. 16 июля). Силами этого «среднего класса» обеспечивалось и наполнение неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», востребованность которых в библиотеке Шестунова бы-

ла достаточно высокой – 54 читателя (1859. № 21. 21 мая). Число подписчиков у газеты также было значительно – более 700 человек (1859. № 29. 16 июля). Чтение из развлечения должно было стать обязанностью, насущной потребностью, работой, дающей возможность ревизии имеющейся привычной социальной структуры – не в пользу «сомнительной аристократии» и «рыцарей кредитных билетов». Для иллюстрации уровня развития «нашего просвещения и общественной жизни» в газете была обнародована служебная информация из библиотечной «базы данных» о социальном статусе читателей и взятых ими изданиях (включая сведения о 18 высших сановниках, т.е. опоры генерал-губернатора). Поданная в ироничной и укоризненной форме, она была призвана продемонстрировать невзыскательные и легковесные читательские вкусы представителей высших сословий (дворянства и купечества), в сравнении с тягой к знаниям у средних и низших слоев (чиновников, разночинцев, мещан).

Итак, в 1857–1858 гг. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» не носила обличительного критического характера как особого последовательного направления. Основной массив публикаций (92 в 1857 г. и 161 в 1858 г.) нес в себе экономическую, краеведческую и развлекательную информацию. В общественно-политическом смысле газета выполняла роль проводника правительственной политики, обеспечивая информационную поддержку и благоприятную оценку деятельности власти в практически и общественно важном для нее амурском вопросе. Для этих целей Н.Н. Муравьевым в качестве редактора был избран Н.А. Спешнев – человек, расставшийся со своими прежними оппозиционными взглядами и вступивший на государственную службу. Спешнев пользовался покровительством не только Муравьева, но и его преемника – «гонителя Петрашевского» М.С. Корсакова, о чем свидетельствуют письма к нему при исправлении должности Забайкальского военного губернатора с выражениями благодарности и признательности с места первоначальной ссылки Спешнева – Александровского завода (3 ноября 1856 г.) и из Иркутска (2 марта и 19 апреля 1857). При этом в последнем из них Спешнев, сообщая о выходе неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», в которой он как редактор «должен стараться по мере возможности помещать статистические, хозяйственные, исторические, географические, даже почти политические, относящиеся до Восточной Сибири», просил Корсакова не только предоставить ему возможность знакомить-

ся с годовыми отчетами по Забайкалью, но и приглашал «пользоваться ею [газетой], как бы вашим полуофициальным органом, указывая мне, на какие бы предметы вам желательно было, чтоб было обращено внимание, а другой раз, в каком, например, духе, с какой точки зрения был отделан известный предмет» [11. С. 495–496, 500–504].

Размещая письма читателей на самые разнообразные темы, предоставляя ее страницы для высказывания различных, зачастую прямо противоположных мнений, Спешнев придал неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» подлинно демократический характер, а не характер органа пропаганды каких-либо идей – социалистических или либеральных. Если на критическую заметку в редакцию присылалось опровержение, оно тоже выносилось на суд читателя. В одной из публикаций Спешнев прямо говорил об этом: «... мы никогда не хотели сделать неофициальную часть “Иркутских ведомостей” выражением наших только мыслей, а, напротив, желали бы сделать ее выражением воззрений местных» (1857. № 33. 26 декабря). Для сохранения ровного и выдержанного характера публикуемых материалов редактор не раз обращался к пишущим читателям, чтобы те оперировали только достоверными фактами, избегали резкости тона и суждений, чтобы обмен мнениями не превращался в склоку и многословные пересуды, свару для сведения личных счетов.

Несмотря на былую общность политических взглядов Спешнева, Львова и Петрашевского, их совместное проживание в одной квартире, никакого «кружка петрашевцев», имевшего некую разработанную и разделяемую всеми тремя программу действий по распространению «прогрессивных» («революционных») взглядов через неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей», а затем через газету «Амур» [3. С. 15–17], в Иркутске не существовало. Каждый из трех бывших «борцов» избрал свою судьбу и свою дорогу. Спешнев, войдя в генерал-губернаторскую реформаторскую «команду», надеялся через три года увидеть своих родных и близких. «От мятежника не осталось и следа; террорист и коммунист обратился в лояльного и законопослушного гражданина, правда пока еще лишённого гражданских прав» [11. С. 264]. Петрашевский до конца своих дней остался доктринером, служителем формальной законности, пытаясь добиться оправдания по делу 1848 г. и стать в пикну официальной власти Муравьева (при его отсутствии в городе) властью над общественным мнением. Что касается причисляемого к разряду «революционных публицистов»

Львова, то даже в советской историографии признавалось, что он «не высказался ни по одному из центральных для них вопросов (крестьянская реформа, разоблачение либералов, пропаганда революции)» [14. С. 71].

Иркутский купец Н.Н. Пестерев, в 1866 г. привлеченный к делу о попытке освобождения Н.Г. Чернышевского из Нерчинской каторги, оставил следующее описание «кружковцев»: «В Петрашевском я нашел политического, помешанного на легальном порядке, чудака, все, об чем бы ни шла речь, – всего, по его мнению, можно рано или поздно добиться легальным порядком <...> Спешнев – в некотором смысле философ, решивший, что все делается потому, что так должно делаться, – скверно ли, хорошо ли, но ничего иначе быть не может. Львов, тот даже и этого не думал, а жил и старался только найти средства к жизни, которые у них у всех были крайне ограничены» [15. С. 318].

Повисает в воздухе и тезис о том, что «Спешнев, Петрашевский и Львов способствовали созданию первых газет в Восточной Сибири, входили в число их руководящих сотрудников» [4. С. 16]. О возникновении «Иркутских губернских ведомостей» говорить вообще не приходится – быть редактором газеты (по назначению генерал-губернатора) вовсе не означало быть ее создателем. Что же касается «Амура», то открытие первой в Сибири частной газеты было подготовлено Н.Н. Муравьевым задолго до дуэльной истории – еще в конце 1858 г. с просьбой об исходатайствовании высочайшего разрешения на издание политической литературной газеты к нему обратился М.В. Загоскин [11. С. 514].

С точностью можно утверждать, что в неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» 1857–59 гг. Н.А. Спешнев был автором шести статей (четырёх передовых об амурских делах и двух исторических очерков о ранней истории Иркутска) [11. С. 525–526], М.В. Петрашевский – одной («Несколько мыслей о Сибири». 1857. № 9, 11 июля), Ф.Н. Львов – двенадцати. При этом статьи последнего в большинстве случаев были посвящены профессиональным интересам автора – химии и геологии. Основными авторами и корреспондентами в 1857–59 гг. были отнюдь не петрашевцы, а чиновники, офицеры, учителя, врачи, купцы и мещане, писавшие из Иркутска, Читы, Енисейска, Нерчинска, Благовещенска, Верхотурска, Киренска и других городов и сел. В «Ведомости», подписываясь собственной фамилией, писали М.В. Загоскин, С.С. Шашков, Н.С. Щукин, П.И. Пежемский, Г.М. Пермикин, М.П. Шестунов,

Д.И. Романов, Петр Кларк, Н. Кашин, Гириш Мендель, Н.Е. Черных, А. Волков, П. Добронравов, Фока Вешутсон, К. Бобановский, П.П. Семенов, А. Марков, Иван Носков, Н. Петров, И.Н. Селиванов, А. Курбатов, М. Кованько, Павел Герасимов, В.И. Беккер, Никанор Трапезников, М. Зензинов, А. Шепетковский, А.А. Мордвинов, М.С. Корыков, М.Ф. Кривошапкин. О более чем 60 авторах известны только инициалы и псевдонимы.

Критическое «обличительное» направление было взято неофициальной частью «Иркутских губернских ведомостей» только с конца 1858 г., а в 1859 г. усилено новым редактором – М.В. Загоскиным, который вовсе не был «податливым либералом» [2. С. 155]. Не скованный политическим прошлым, особым покровительством и связанными с ним обязательствами примерного поведения, а, самое главное, будучи местным уроженцем, он повел газету более решительно, пользуясь к тому же более чем 8-месячным отсутствием Муравьева в Иркутске. Если Спешнев приводил полностью и без изменений все опровержения, присылаемые в редакцию, то Загоскин не раз отклонял их или приводил со своими комментариями. Именно после статьи В.Ф. Раевского «Сельские сцены» (1859. № 18. 30 апреля) кяхтинский пограничный комиссар В.Д. Карпов писал: «С каждым номером губернских ведомостей ведут кого-нибудь из нас на распятие, а мы рукоплещем – доберутся, наконец, и до всех» [15. С. 236].

Не все так просто и в поляризации иркутской общественности по отношению к «неклюдовскому делу». Ни «муравьевское окружение», ни «туземная партия» не были однородными по своему составу. Сам убитый принадлежал к «навозным» и занимал должность чиновника особых поручений. К «туземцам» относились местные чиновники (сибирские и «домуравьевского» приезда) и «старое» купечество, которые отгеснялись Муравьевым со своих управленческих и экономических позиций. В неприятии личности и политики генерал-губернатора «старое» купечество сближалось с «новым», которое видело в Муравьеве деспотичного правителя николаевской эпохи (имела место даже демонизация его образа – в письме Завалишину от 5 апреля 1860 г. Шестунов называл его «сам сатана», а его подчиненных – «духитмы») [16. С. 37]). Ссылная интеллигенция также не составляла отдельной сплоченной группы, предложив свои услуги противостоящим сторонам – М.А. Бакунин стал пропагандистом «муравьевской партии», Д.И. Завалишин и М.В. Петрашевский – «антимуравьевской». В «Иркутских губернских ведомостях», возглавляемых начи-

нающим сибирским общественным деятелем и журналистом М.В. Загоскиным, можно обнаружить критические публикации в отношении как «муравьевцев», так и «туземцев», при этом с явным перевесом по количеству и резкости подачи материала в сторону последних. Поэтому неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей» при М.В. Загоскине, так же как и при его предшественнике Н.А. Спешневе, следует считать не «рупором» петрашевцев или сибирских демократов, а органом восточносибирской генерал-губернаторской власти, понимавшей «гласность» как один из инструментов в борьбе с недобросовестными чиновниками низшего и среднего уровня, за соблюдение государственных экономических интересов, поддержание законности в отношении управляемого населения. Деятельность назначенных генерал-губернатором редакторов соответствовала его ожиданиям и не вызывала с его стороны негативной реакции, которая исходила лишь со стороны выводимых на страницах газеты персонажей, чиновной и купеческой корпораций, вышестоящего Сибирского Комитета. Работая на доверии, Спешнев и Загоскин пользовались определенной самостоятельностью в выборе тем публикаций, предоставляли возможность высказать на страницах единственной иркутской газеты различные воззрения, как за, так и против, что придавало ей демократический и полемический характер.

Согласно «канонической» трактовке, после иркутской дуэли «члены кружка Петрашевского» в 1860 г. «перешли» из «Иркутских губернских ведомостей» в «независимую» частную газету «Амур» – произошел «разрыв» ссыльной и местной интеллигенции с генерал-губернатором. Однако, как уже отмечалось, Муравьев еще в конце 1858 г. поддержал предложение Загоскина о заведении в Иркутске частного издания и назначил его на должность редактора неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей». Граф Амурский находился на вершине своей карьеры и от лица уже частного издания с более широкой программой планировал продолжить дело популяризации новоприсоединенного края и мер правительства по его освоению. С 1 января 1860 г. «Амур» начал печататься в губернской типографии, под цензором генерал-губернатора. С середины 1860 г. газете выделялась ежегодная казенная субсидия в 800 р. [16. С. 44]. В последнем номере «Иркутских губернских ведомостей» за 1859 г. было напечатано письмо из Красноярска, в котором высказывалось пожелание, чтобы «обе иркутские газеты были, как две родные сестры, с одинаковыми вкусами и стремлениями», но чтобы

«младшая была покрасивее, да несколько посмелее» (1859. № 51. 17 декабря). Число подписчиков «Амура» – 600 [16. С. 44], примерно такое же, как у «Иркутских губернских ведомостей», указывает на то, что «Амур» выписывался теми же лицами, как полуофициоз «в нагрузку» к официальному изданию. В своих воспоминаниях минусинский окружной начальник Н.А. Костров даже путал обе эти газеты: «... в Иркутске стала издаваться газета «Амур», которая на первых порах произвела сильное впечатление на всю Восточную Сибирь. Выписка этой газеты была обязательна для всех официальных мест и лиц» [17. С. 166].

В 1860 г. неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей», хотя и не публиковала обличительных корреспонденций, как в 1859 г., но сохранила, однако, такие ранее сформировавшиеся направления своего внимания, как опровержение слухов о перебоях в снабжении амурских переселенцев (1860. № 12. 19 марта; № 14. 2 апреля; № 21. 21 мая), сообщения об экономическом положении Приамурья и перспективах развития здесь золотопромышленности (1860. № 2. 9 января; № 3. 16 января; № 6. 6 февраля; № 7. 13 февраля; № 8. 20 февраля и т.д.). Указание на то, что должность редактора и начальника газетного стола, как и у других ведомостей, с № 4 от 23 января 1860 г. стал исполнять чиновник М.Н. Масловский [5. С. 222], не дает оснований для характеристики его способностей и мировоззрения (Спешнев и Загоскин также занимали эту чиновную по штату должность). Корсаков, действуя так же, как и его предшественник, поставил во главе местной правительственной газеты верного ему человека, переведенного в Иркутск в качестве чиновника особых поручений по договоренности Бакунина с Муравьевым [18. С. 59, 137] (такая протекция позволяет говорить об определенных общественно-политических взглядах нового редактора). Ответ Масловского автору из Читы (недовольного сокращением его пространного описания предновогоднего бала), который рассматривается как открытое заявление редакции «о своем отказе от прежней линии и о новом направлении газеты» [5. С. 223], вовсе не содержал в себе такого утверждения. Напротив, новый редактор подчеркивал, что газета по-прежнему является органом гласности и «охотно открывает столбцы своей газеты для свободного выражения всякой живой мысли, пре-

имущественно имеющей местный интерес и касающейся проявления всех сторон общественной жизни в Восточной Сибири» (1860. № 11. 12 марта). Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» была сокращена с июня 1860 г., когда М.Н. Масловский уже не значился ее редактором (последний подписанный им номер – № 25 от 18 июня 1860 г.), и было принято решение о субсидировании «Амура» – содержать две газеты восточно-сибирской администрации было не по карману.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958.
2. Карцев В.Г. М.В. Буташевич-Петрашевский в период революционной ситуации конца 1850 – начала 1860-х годов // Ученые записки Калининского государственного педагогического института. Калинин, 1963. Т. 35.
3. Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х – начала 60-х гг. XIX века // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975.
4. Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1965.
5. Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978.
6. История русской литературы Сибири (Макет). Новосибирск, 1974. Т. 1. Раздел 4.
7. Кудрявцев Ф.А. Декабристы – сотрудники сибирских газет // Памяти декабристов К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975.
8. Милотин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1888. № 11.
9. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. К. 1735. Д. 43.
10. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828–1876 г. М.; Л., 1935. Т. 4.
11. Сараскина Л.И. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. М., 2000.
12. Кудрявцев Ф.А. Декабристы в Сибири. Путь изучения темы // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975.
13. Арефьев В. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская старина. СПб., 1902. № 1.
14. Дулов А.В. Публицистика петрашевца Ф.Н. Львова // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1969. Вып. 2.
15. Литературное наследство. М., 1956. Т. 63.
16. Семевский В.И. М.В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. М., 1915. № 3.
17. Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4.
18. Должиков В.А. М.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993.